

А. М. Доброниченко
Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова

**ПОВЕСТЬ А. П. ЧЕХОВА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ 1870-Х ГОДОВ
(«АННА КАРЕНИНА» Л. Н. ТОЛСТОГО)**

«Черный монах» – одно из наиболее сложных произведений зрелого Чехова. На протяжении многих лет вокруг этой поистине загадочной повести не утихают дискуссии исследователей, пытающихся проникнуть в ее тайну, разгадать авторский замысел. Наша работа посвящена одному из аспектов этого произведения, ставшего итогом размышлений писателя о судьбах России. К моменту создания «Черного монаха» стиль Чехова приобретает особую семантическую насыщенность. Самые незначительные, на первый взгляд, детали оказываются *скрытыми выразителями* размышлений автора о национальном характере и судьбах России. Одним из ключевых является для Чехова вопрос о судьбе отношений между помещиками и крестьянами после отмены крепостного права, о роли дворянства в ситуации общественного кризиса.

Этот вопрос волновал тогда многих русских литераторов. Он нашел отражение в прозе писателей-народников – от Н. Н. Златовратского до Г. И. Успенского, ряд очерков в известной книге «Записки степняка» (1883) посвятил этой теме А.И. Эртель, она является ведущей в цикле очерков С. Н. Терпигорева (псевд. – Атава) «Оскудение» (1881). Чехов по природе своего художественного дара был очень «литературным» писателем, собиравшим в ёмкие синтезы художественные миры своих предшественников и современников. Поднимая эту проблему в «Черном монахе», Чехов не мог не учитывать точек зрения на неё других авторов, соглашаясь или полемизируя с ними.

Известно также, что в конце 1880 – начале 1890-х годов Чехов находился под влиянием творчества Л. Н. Толстого. Как отмечает В. Б. Катаев, «оба писателя в определенную эпоху были современниками, что и обусловило совершенно особый <...> характер их взаимного постижения, схождения, перекличек, творческого соревнования» (1). Творчество Толстого послужило своеобразным толчком для создания немалого количества чеховских произведений («Письмо», «Встреча», «Хорошие люди», «Моя жизнь»). Поиск новых взаимоотношений помещика с крестьянами ведёт в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» один из главных его героев – Константин Левин. Есть все основания предположить, что помещик-садовод Песоцкий в «Чёрном монахе» полемически связан с этим толстовским героем.

Занимаясь собственным хозяйством, Левин все чаще задумывается о необходимости перестройки помещичье-крестьянских отношений. Воспринимая капиталистические формы хозяйствования на земле как настоящее бедствие, пагубно влияющее на судьбу страны, герой приходит к выводу, что единственный выход из этой ситуации – сближение с народом. Левин долго бьется над загадкой гармонической уравновешенности и одухотворенной красоты трудящегося на земле

крестьянина. Он долго не понимает, почему все его хозяйственные начинания встречаются мужиками с недоверием и терпят крах. И только в конце романа Левин совершает радостное для себя открытие: его неудачи, оказывается, были связаны с тем, что он не учитывал те духовные побуждения, которыми определяются крестьянский быт и крестьянский труд. Толстой предлагает свой путь «опрошения», принятия народной веры. Однако этот путь «сближения с народом» в ходе истории окажется нежизнеспособным, ибо лишь ничтожно малая часть дворянства будет способна согласиться с подобной теорией, и еще меньшая – воплотить ее в жизнь. На деле происходит лишь еще большее разобщение между сословиями, все чаще наблюдается уход помещиков от хозяйствования на собственной земле, а та малая часть, которая продолжает им заниматься, преследует совершенно иные, чуждые крестьянству цели. Создавая в «Черном монахе» образ помещика-землевладельца Песоцкого, проецируя его на образ Левина, Чехов полемизирует с Толстым.

На первый взгляд, этих героев роднит многое. И Левин, и Песоцкий целиком погружены в работу, она составляет смысл их жизни. Левин, вернувшись домой после неудачного сватовства, все силы отдает работе, находя в ней единственное утешение и удовольствие, он даже сравнивает себя с весталкой, которая «должна хранить огонь». Песоцкий же и вовсе не представляет собственного существования без садоводства, все его помыслы направлены только на то, чтобы улучшить и сохранить любимое детище: «Весь секрет успеха не в том, что сад велик и рабочих много, а в том, что я люблю дело – понимаешь? – люблю, быть может, больше чем самого себя», – говорит он Коврину (3 : 236). Ни Песоцкий, ни Левин не доверяют работы чужим людям, будь то наемный работник или приказчик. Левин оказывается неудовлетворен работой приказчика, Песоцкий и вовсе утверждает, что первый враг для него «не хрущ и не мороз, а чужой человек». Любовь героев к главному делу жизни проявляется одинаково. Они стремятся вникнуть в каждую деталь, никому не доверяют руководящей роли, более того, всегда стремятся выполнить работу самостоятельно. Левин участвует в весеннем севе, косьбе. Едва вернувшись домой после сватовства, он тут же отправляется с приказчиком на скотный двор осматривать новорожденную телку. Песоцкий, несмотря на полный забот и трудов день, тоже готов не спать ночь, но самостоятельно контролировать процесс спасения цветущего сада от утренника. Тоску Левина, охватившую его за месяцы вынужденного пребывания в Москве, как нельзя лучше выражают слова Песоцкого о тоске по своему делу: «Весь секрет в любви <...> когда поедешь куда-нибудь в гости на часок, сидишь, а у самого сердце не на месте, сам не свой: боишься, как бы в саду чего не случилось» (3 : 236). Еще одной общей чертой героев является то, что оба они занимаются научными трудами, посвященными сельскому хозяйству, и очень ревностно относятся к своему творчеству, увлеченно полемизируют, отстаивая свою точку зрения.

Однако здесь же наблюдается и существенная разница в характерах героев и их целях. Труд Левина, хотя и несколько утопический по своей сути, связан с попытками преобразования самого принципа хозяйствования с учетом характера рабочего. Он проектирует в статье такое изменение отношений между помещиком и крестьянами, при котором должна быть достигнута всеобщая выгода,

основанная на гармонии интересов хозяина и работника. Песоцкого, напротив, вопросы общественного устройства не занимают, круг его интересов намного уже, его статьи имеют узкопрактическую направленность и могут принести пользу лишь небольшому кругу увлеченных садоводов. Песоцкий размышляет над вопросами садоводства, затрагивая частные аспекты, его статьи посвящены сорту яблони, особенностям почвы и так далее. Разумеется, эти работы имеют определенную ценность, и, в отличие от так и не завершённого труда Левина, они уже опубликованы. С пылом, достойным лучшего применения, Песоцкий полемизирует в них с другими садоводами, отстаивая свою точку зрения о «перештыковке почвы», «окулировке спящим глазом». Коврину кажется смешным «нервный, почти болезненный задор», «ядовитые высказывания» и «латинские изречения» в статье с подобной тематикой. Чехов иронизирует над воинственным садоводом, показывая нам мелкость, незначительность проблем, волнующих его в столь кризисной для российского хозяйствования ситуации.

Особого внимания заслуживают отношения героев с крестьянами. Левин безуспешно пытается противостоять крестьянской лени и неосмотрительности. Все его попытки улучшить хозяйство оказываются нежизнеспособными из-за молчаливого, но упорного противостояния крестьян: «Полюбовавшись на приплод нынешнего года, который был необыкновенно хорош, <...> Левин велел вынести наружу корыто и задать сено за решетки. Но оказалось, что на не употребляемом зимой варке сделанные с осени решетки были поломаны. Он послал за плотником, который по наряду должен был работать молотилку. Но, оказалось, что плотник чинил бороны, которые должны быть починены еще с масленицы. Это было очень досадно Левину. Досадно было, что повторялось это вечное неряшество хозяйства, против которого он столько лет боролся всеми своими силами» (2 : 171–172). Левин стремится перестроить хозяйство на новый, более рациональный лад, но ему никак не удается объяснить крестьянам преимущества такой работы. Мужики не хотят выполнять «барские прихоти», поэтому семенной английский овес оказывается загубленным, бороны – непочиненными, клевер – посеянным лишь на треть. Героя раздражает подобная неповоротливость крестьян, он не может понять ее и примириться с нею: «Приказчик имел столь знакомый Левину и всегда раздражающий его безнадежный и унылый вид. Вид этот говорил: все хорошо, да как Бог даст. Ничто так не огорчало Левина, как этот тон. Но такой тон был у всех приказчиков, сколько их у него не перебивало. У всех было то же отношение к его предположениям, и потому он теперь уже не сердился, но огорчился и чувствовал себя еще более возбужденным для борьбы с этою какою-то стихийною силой, которую он иначе не умел назвать, как “что Бог даст”, и которая постоянно противопоставлялась ему» (2 : 173–174).

Испытывая раздражение и досаду, Левин неожиданно для самого себя открывает средство, которое помогает ему забыть огорчения и злость. Средство это – труд. В тяжелые минуты он ищет работы, которая могла бы занять его, отвлечь от злых мыслей, успокоить. «Уже не раз испытал с пользою известное ему средство заглушать свою досаду и все, кажущееся дурным, сделать опять хорошим, Левин и теперь употребил это средство. Он посмотрел, как шагал Мишка, воруя огромные комья земли, налипавшей на каждой ноге, слез

с лошади, взял у Василья сеялку и пошел рассевать» (2 : 176). Впоследствии, осознав всю благотворную силу труда, Левин использует это открытие во всех сложных жизненных ситуациях.

Песоцкий у Чехова сталкивается с той же с проблемой нерадивости рабочих. Он не доверяет им, стремясь лично убедиться в благополучии задуманного дела: «Вид он имел крайне озабоченный, все куда-то торопился и с таким выражением, как будто опоздай он хоть на одну минуту, то все погибло!» (3 : 230). Коврина забавляет подобная увлеченность Песоцкого. Он выглядит довольно комично, когда, суетясь и передвигаясь короткими перебежками, отдает приказания работникам. В его тоне сквозит постоянная, почти маниакальная озабоченность состоянием сада. Малейшее упущение рабочих он воспринимает как невероятное преступление и лично ему нанесенную обиду. «Но вдруг он прислушался и, сделавши страшное лицо, побежал в сторону и скоро исчез за деревьями, в облаках дыма. – “Кто это привязал лошадь к яблоне? – послышался его отчаянный, душу раздирающий крик. – Какой это мерзавец и каналья осмелился привязать лошадь к яблоне? Боже мой, боже мой! Перепортили, перемерзили, пересквернили, перепакостили! Пропал сад! Погиб сад! Боже мой!” Когда он вернулся к Коврину, лицо у него было изнеможенное, оскорбленное. – “Ну что поделаешь с этим анафемским народом? – сказал он плачущим голосом, разводя руками. – Степка возил ночью навоз и привязал лошадь к яблоне! Замотал, подлец, вожжищи туго натуго, так что кора в трех местах потерлась Каково! Говорю ему, а он – толкач толкачом и только глазами хлопает! Повесить мало!”» (3 : 231). В гневе Егор Семеныч прибегает к тому же средству успокоения, что и Левин – он занимает себя работой, исправляя то, что было сделано плохо. Как и Левину, труд приносит ему некоторое спокойствие и облегчение: «Успокоившись, он обнял Коврина и поцеловал в щеку» (3 : 231).

Но если Левин, сердясь на крестьян, пытается понять причины их нерадивости и найти путь своего примирения с мужиками, то Песоцкий не стремится к единодушию с рабочими, являющимися для него лишь орудием труда, нередко приносящим более вреда, чем пользы. Различие героев состоит еще и в том, что Левин всякий раз стремится разделить свой труд с мужиками, Песоцкий же, будь это в его силах, ухаживал бы за садом единолично.

Пытаясь отыскать причину «нерадивого» отношения крестьян к хозяйству, Левин, в конце концов, находит ее. Участвуя наравне с мужиками в общем деле – косьбе, – он внезапно совершает неожиданное для себя открытие: «Левин потерял всякое сознание времени и решительно не знал, поздно или рано теперь. В его работе стала происходить теперь перемена, доставлявшая ему огромное наслаждение. В середине работы на него находили минуты, во время которых он забывал то, что делал, ему становилось легко, и в эти самые минуты ряд его выходил почти так же ровен и хорош, как и у Тита. Но только он вспоминал о том, что он делает, и начинал стараться лучше, тотчас же он испытывал всю тяжесть труда и ряд выходил дурен.<...> Чем долее Левин косил, тем чаще и чаще он чувствовал минуты забвения, при котором уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тело, и, как бы по волшебству, без мысли о ней, работа правильная и отчетливая делалась сама собой. Это были са-

мые блаженные минуты» (2 : 278). Совместный труд приносит герою понимание причин равнодушия крестьян к его новациям. Он, как рачительный хозяин, стремился сделать так, чтобы работа приносила и ему, и мужикам как можно больше выгод. Крестьяне же, в свою очередь, хотели работать так, как Бог велит, получая от труда удовольствие, ощущая на подсознательном уровне собственную неразрывную связь с землей. Они стремятся к душевной, живой работе, инстинктивно сохраняя завещанные еще дедами традиции. Поэтому все попытки Левина облегчить их труд, сделать его более рациональным оказываются тщетными: сеноворошилки ломают, плуги приводят в негодность. Работая с ними наравне и ощущая благодатные минуты забвения, когда работа делается как бы сама собой, Левин начинает понимать, что движет мужиками, и это понимание приводит его к изменению собственного мировоззрения, к поиску правды и смысла жизни для себя самого.

Левин стремится достичь взаимопонимания, его привлекает простая крестьянская жизнь, он пытается познать особое мировоззрение мужиков, научиться у них отношению к труду и земле. Его выход на посевную, косьба символизируют стремление к единству; даже упомянутый выше трактат направлен, в конечном счете, на достижение единства помещика с крестьянской общиной. В итоге это ему удается. Мужики, хоть и противятся «причудам» барина, но уважают в нем трудолюбивого, рачительного хозяина и, в минуты совместного труда, воспринимают его почти как своего. Левин делит с мужиками обед, обсуждает хозяйственные дела, разговаривает даже о самом сокровенном для себя вопросе – вопросе веры и смысла жизни. Герой, пусть и с высоты помещичьего положения, становится близким крестьянам человеком.

Иначе ведёт себя Песоцкий в «Черном монахе». Единства с крестьянами для него не существует. Он не стремится к поощрениям, как Левин, предлагающий косарям водку за выкос «Машкина Верха». Крестьянин для Песоцкого – лишь воплощение рабочей силы, которую он использует по своему усмотрению. Примечательно, что *работников* Песоцкого уже нельзя назвать крестьянами, так как это люди, постепенно теряющие свою первоначальную связь с землей. Песоцкий выращивает не злаки, а фрукты, то есть культуры, изначально далекие от привычных крестьянам. Поэтому и отношение к саду у них совсем иное, сад не представляется им частью крестьянской культуры, каковой, например, могла бы стать пашня. И вот работник Степка варварски привязывает лошадь к яблоне. Яблоня – прообраз сада из знаменитой комедии Чехова. То, что именно яблоня страдает от рук крестьянина, утратившего связь с родной землей, символизирует гибель всего живого и прекрасного, погибающего под железной пятой наступающего нового, прогрессивного времени, когда вековые связи будут окончательно разрушены, а сад, как символ старой России, уничтожен.

Таким образом, в отличие от ситуации Левина, конфликт между Песоцким и рабочими возникает на почве расхождения во взглядах на труд. Работники Песоцкого не пытаются отстаивать свое право трудиться так, как завещали предки. Крестьянское сословие, превращаясь в сословие «батраков», уходит от собственных корней, теряет бережное отношение к земле, которое на протяжении многих веков питало его мировоззрение. Особенно значимым в этом контексте представляется

эпизод, в котором Песоцкий и Коврин осматривают сад: «“Вот, брат, история... – начал он, останавливаясь, чтобы перевести дух. – На поверхности земли, видишь, мороз, а подними на палке термометр сажени на две повыше земли, там тепло... Отчего это так?” – “Право, не знаю”, – сказал Коврин и засмеялся. – “Гм, всего знать нельзя, конечно... Как бы обширен ум не был, всего туда не поместишь. Ты ведь больше насчет философии?”» (3 : 230–231). Этот незначительный, на первый взгляд, разговор, обладает высокой смысловой нагрузкой, имеет философский подтекст. Образ замерзающей земли синонимичен образу народной души. Почва, подернутая морозом, символизирует холодность, отчуждение крестьян, все более удаляющихся от родной земли. Почва замерзает, корни гибнут, теряется вековая связь крестьянина с землей. Тепло уходит вверх, в никуда, рассеивается, не принося пользы. За этим незначительным диалогом скрывается художественное обобщение Чехова, отражающее его размышления о судьбах крестьянской России.

Таким образом, мы можем говорить, что к 1890-м годам отличительной чертой чеховского стиля становится предельная семантическая насыщенность его произведений. «Черный монах», как одно из произведений этого периода, также поднимает ряд существенных проблем, выходя далеко за рамки психологического этюда о мании величия. В этой повести Чехов полемизирует с Толстым, подвергая сомнению предложенный великим классиком путь объединения дворянства и крестьян. Создавая в «Черном монахе» образ Песоцкого, столь сходного с героем Толстого, Чехов развенчивает помещика-земледельца, вскрывая истинные причины, движущие этой категорией людей, показывая, что путь Левина-философа – скорее счастливое исключение, чем правило, и поэтому не может рассматриваться как выход из сложившегося в России к концу XIX века кризиса, определившего печальную судьбу дворянства и крестьянства в XX столетии.

Библиографический список

1. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. М., 1989.
2. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 8. М., 1981.
3. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 8. М., 1977.